

Георгия Петрова с Торговым представителем Египта в Российской Федерации Алаа Кенави в начале сентября текущего года.

Россия занимает 45 место среди иностранных инвесторов в Египте, что, по мнению Алаа Кенави, указывает на недостаточно развитое инвестиционное сотрудничество между Россией и Египтом. По заверению Алаа Кенави, Египет заинтересован в российских инвестициях, прежде всего, в туристическом секторе¹.

Так же планируется рабочий визит Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Египет, в ходе которого планируется его встреча с президентом М. Мурси и консультация с Министром иностранных дел Египта М. Амиром. Особое внимание предполагается уделить задачам наращивания сотрудничества в торгово-экономической, культурной и гуманитарной сферах.

Взаимодействие России и Арабской Республики Египет в туристической сфере основано на колоссальном потоке российских туристов в Страну пирамид, а также на российских инвестициях. И, несмотря на высокую восприимчивость туристического бизнеса к политическим изменениям и экономическим кризисам, данная индустрия является довольно гибкой, что позволяет ей относительно быстро возвращаться к прежним стабильным показателям, что, несомненно, является залогом успешного и долговременного сотрудничества в сфере туризма между Россией и странами Арабского Востока.

ЕГИПЕТСКИЕ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ИСТОРИЯ ПОРАЖЕНИЯ НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ

ЦАРЕГОРОДЦЕВА И.А.

Внезапный выход на политическую арену «Братьев-мусульман» в Египте в ходе событий «арабской весны» стал причиной формирования достаточно устойчивого мнения о широкой популярности и мощи этого исламистского движения, влиянию которого ранее активно противостояли светские власти. Однако история развития этого движения последних нескольких лет показывает, что пик его популярности был пройден еще несколько лет назад, тогда как накануне указанных событий исламисты испытывали серьезные трудности внутреннего и внешнего порядка, которые фактически привели к их поражению на последних парламентских выборах «эры Мубарака» в конце 2010 г.

Члены движения «Братья-мусульмане» участвуют в парламентских выборах в Египте, начиная с середины 80-х гг. прошлого века. Поскольку деятельность организации формально была запрещена, и власти регулярно отклоняли заявки о регистрации политической партии на ее основе, «Братья-мусульмане» выдвигались на выборах либо как независимые кандидаты, либо как кандидаты от политических блоков, образованных с другими партиями. Однако каждый раз количество голосов, отданных за исламистов, было слишком незначительным для того, чтобы они могли оказывать заметное влияние на работу Народного собрания. Низкий процент проходимости исламистов в египетский парламент объяснялся как действием административного ресурса, направленного на недопущение усиления популярности этого исламистского движения, так и причинами, связанными с историей внутренней динамики развития «Братьев-мусульман».

В 1954 г. деятельность движения была официально запрещена в стране, и оно подверглось деструктуризации. Часть сохранившихся в стране ячеек организации впоследствии ушла в глубокое подполье, сделав ставку на радикальные методы борьбы против политического режима в стране. Другая часть сконцентрировалась в основном на работе

¹ Встреча вице-президента ТПП РФ Георгия Петрова с Торговым представителем Египта в Российской Федерации Алаа Кенави: URL: http://www.tpprf.ru/ru/news/about/printable.php?print=1&id_12=39114 (Дата обращения 28.10.2012).

социально-религиозного порядка. В 1970-х гг. влияние «Братьев-мусульман» постепенно стало восстанавливаться благодаря протекции президента Анвара Садата, который решил использовать исламистов в качестве своих союзников против левых и националистических сил. Вплоть до начала 80-х гг. движение вело работу по структурному и организационному восстановлению.

В этот период времени у «Братьев-мусульман» фактически не было ни целенаправленной стратегии развития и взаимоотношений с властями, ни четкой идеологической и политической программы развития на ближайшие годы. Однако исламистам удалось поддерживать свою популярность среди египтян на достаточно высоком уровне благодаря (а) своей активной социальной и просветительской деятельности (организация бесплатного лечения для неимущих, учебных курсов, предоставление социальной помощи и льгот неимущим и т.д.) и (б) регулярной и достаточно последовательной критике текущей политики властей. Многопартийность, официально установленная в АРЕ в 1977 г., так и не стала основой для реальной конкуренции между различными политическими партиями и блоками. Поэтому вплоть до середины 1990-х гг. «Братья-мусульмане» фактически были единственной силой в стане, которая выступала с открытой критикой наиболее противоречивых шагов режима (таких, например, как заключение Кэмп-Дэвидских соглашений 1978-1979 гг. и сотрудничество Садата с Западом¹ и т.д.).

Ресурс доверия, которым на фоне непопулярной политики властей пользовались «Братья-мусульмане», стал постепенно иссякать к середине 1990-х гг. К этому времени стало ясно, что движение проигрывает властям в открытой политической борьбе, будучи не способным набрать ощутимых голосов на выборах в условиях действия административного ресурса. Кроме того, у «Братьев-мусульман» стали появляться конкуренты среди исламских движений и партий, среди которых были те, что придерживались более умеренных позиций². В этих условиях «Братья-мусульмане» постепенно начали пересматривать свою стратегию участия в политической жизни страны, и начали разрабатывать новые платформы развития как самого движения, так и государства в целом. К этому их подталкивали и события на внешней мировой арене, в частности появление и внедрение в жизнь проекта США по демократизации Ближнего Востока в начале 2000-х гг.

В 2004 г. «Братья-мусульмане» выступили с собственной инициативой реформ, которая требовала постепенного перехода Египта от президентской формы правления к парламентской, а также шариатизации законодательства и исламизации культурной и экономических сфер³. Исламисты также декларировали свою приверженность демократическим принципам, но настаивали на необходимости придать им специфический исламский характер, акцентируя внимание на том, что для Египта неприемлема никакая форма иностранной гегемонии, в том числе насаждение западных принципов и ценностей. В целом программа «Братьев-мусульман» была воспринята с одобрением, хотя критики настаивали на том, что некоторые моменты в ней нуждались в дальнейшей проработке (в частности оставалось неясным, как именно в текущих условиях должен был осуществляться переход к исламской парламентской республике и др.).

¹ Ibrahim S.E. Domestic developments in Egypt // The Middle East: Ten years after Camp David/ Ed. Quandt W.B. Brookings institution press, 1988. P. 50-56.

² Так, в 1996 г. возникла более умеренная партия «ал-Васат», основателями которой стали бывшие члены «Братьев-мусульман». Партия «ал-Васат» подчеркивала, что не считает существующую власть неисламской. В отличие от исламистов, эти «мусульманские демократы», как называет их турецкий исследователь И. Йылмаз, «смотрели на политическую жизнь страны с прагматической точки зрения». Они различали концепцию демократии как процесса, который может быть соотнесен с исламом, и концепцией демократии как вестернизации, которую они считали неприемлемой. Члены партии также подчеркивали, что у исламистов не должно быть монополии на абсолютную истину. Примечательно в этой связи, пишет И. Йылмаз, что будущий верховный наставник «Братьев-мусульман» М. Акиф поддерживал идеи и инициативы партии «ал-Васат», многие из которых впоследствии легли в основу «Инициативы реформ» 2004 г. См.: Yilmaz I. Muslim democrats in Turkey and Egypt: Participatory politics as a catalyst // Insight Turkey. Vol. 11, №2, 2009. P. 93- 112.

³ Хаула ал-мабади` ал-`амма ли ал-ислах: мабади` джами`ат ал-ихван ал-муслимин ли-л-ислах ад-дахили фи миср // Ал-джазира: URL: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/78E610D2-2560-4541-A847-9738BC9A1D09.htm>. (Дата обращения: 16.05.2005).

Несмотря на все ее недочеты и недостатки, именно с этой платформой, которая легла в основу предвыборной программы «Братьев-мусульман»¹, им удалось одержать свою самую внушительную победу на парламентских выборах в декабре 2005 г. Независимые кандидаты от организации, прошедшие в Народное собрание, заняли в нем в общей сложности около 20% мест². В числе возможных причин столь ошеломительного успеха исламистов западные аналитики называют и хорошую организационную подготовку «Братьев-мусульман» накануне выборов; и новую волну популярности исламских лозунгов на фоне достаточно агрессивной политики западных держав по демократизации Ближнего Востока; и кризис светской идеологии, а также общее ожидание кардинальных реформ в АРЕ³.

Примечательно в этой связи, что в египетском (и шире – арабском) экспертном сообществе победа «Братьев-мусульман» была воспринята с большим скептицизмом, нежели на Западе. Так, египетский исследователь Х. ал-Анани писал в своей монографии, изданной в 2007 г., что накануне предвыборной кампании между руководством правящей египетской Национально-демократической партии и исламистами была заключена «сделка»: «Братья-мусульмане» должны были получить в парламенте не более 50 мест, а их участие должно было, таким образом, в целом придать более конкурентоспособный и демократический вид парламентским выборам⁴. Как бы то ни было, впервые в истории своего существования «Братья-мусульмане» получили возможность оказывать влияние на работу парламента, используя для этого все имеющиеся у них возможности действительных членов Народного собрания.

Между тем, победа исламистов усугубила внутренний раскол в руководстве движения. Линия основного раздела проходила между двумя лагерями, которые условно можно назвать «консервативным» и «модернистским». В то время как модернисты настаивали на активизации политического участия движения в жизни страны, консерваторы выступали за сохранение его традиционной специализации – социально-просветительской, а также за отказ от какого-либо сотрудничества с властями. В результате сложных внутренних процессов, продолжавшихся весь период 2005 - 2010 гг., окончательную победу одержали консерваторы. Это нашло отражение в бойкоте «Братьями-мусульманами» муниципальных выборов 2008 г., в более строгих формах выражения исламской специфики идеологической платформы движения, в ужесточении риторики руководства в отношении таких ключевых тем, как отношение Египта с Западом, необходимости исламизации и шариятизации законодательства и т.д.

В результате к парламентским выборам 2010 г. движение «Братья-мусульмане» подошло, отягощенное целым комплексом проблем. Победа консервативного лагеря на внутренних выборах в организации еще не означала конца его противостояния с модернистами; признаки внутреннего раскола нигде не исчезли. Усиление консерваторов принесло значительное разочарование и активному молодому поколению 20-30-летних членов движения, которые настаивали на более интенсивной и открытой борьбе с существующим режимом (в противовес консервативной стратегии пассивного сопротивления). Работа парламентского блока «Братьев-мусульман» в 2005 – 2010 г. хотя и была достаточно активной, однако исламистам так и не удалось оказать заметное влияние на характер политического режима в стране. Оставались не до конца ясными и отношения организации с властями. Несмотря на продолжающиеся репрессии в отношении членов «Братьев-мусульман», руководству движения так и не удалось каким-либо убедительным образом развеять сомнения относительно наличия «сделки» с властями накануне выборов 2005 г. и реабилитироваться в глазах своих потенциальных избирателей. Кроме того, в первом десятилетии XXI в. появился целый ряд новых социально-политических оппозиционных движений («Кифайа», «Молодежь 6 апреля» и

¹ Ал-барнамадж ал-интихаби ли-л-ихван ал-муслимин 2005 // IslamOnline.net. URL: http://www.islamonline.net/Arabic/In_Depth/Egyptparliament/Articles/Article05.doc. (Дата обращения: 16.10.2012).

² До этого самым высоким результатом победы «Братьев-мусульман» было завоевание ими 17 мест на выборах в Народное собрание в 2000 г. (по сравнению с 88 в 2005 г.).

³ Ал-Анани Х. Ал-ихван ал-муслимин фи миср: шайхуха тусари' аз-заман? Каир, 2007. С. 226-232.

⁴ См. напр.: Blaydes L. Elections and distributive politics in Mubarak's Egypt. Cambridge University Press, 2010. P. 148 – 170.

др.), проявлявших большую решительность и последовательность в критике властей. И хотя ни одно из этих движений не могло сравниться с «Братьями-мусульманами» ни с организационно-структурной, ни идеологической точек зрения, тем не менее, исламисты перестали быть безусловными лидерами уличных протестов.

События, которые произошли в конце 2010 г., т.е. накануне массовых волнений, получивших название «арабской весны», показали, что поддержка населением «Братьев-мусульман» была далеко не столь широкой, как об этом принято было думать последние годы. После того, как по результатам первого тура выборов в Народное собрание стало ясно, что ни один кандидат от «Братьев-мусульман» не набрал необходимого количества голосов, и 96% голосов было отдано за правящую партию, руководство движения объявило о бойкоте выборов. Согласно окончательным результатам по итогам двух туров выборов, оппозиционные партии получили всего 5% мест в парламенте.

Очевидно, что исход парламентских выборов 2010 г. стал одной из предпосылок волны массовых протестов в Египте, которые уже в начале февраля следующего года обернулись сменой главных правящих лиц в этой стране. Однако «Братья-мусульмане», чьи амбиции оказались, пожалуй, в наибольшей степени ущемлены в ходе «сфальсифицированного» и «недействительного», по словам их спикеров, голосования¹, не спешили становиться в авангард протестного движения. Анализ событий тех дней показывает, что первое время «Братья-мусульмане» находились в состоянии ожидания того, как будут разворачиваться события. В числе требований, предъявленных исламистами властям в ходе переговоров вице-президента АРЕ Омара Сулеймана с оппозицией, ничего не говорилось о необходимости оставления Мубараком своего поста. И только после того, как окончательно стало ясно, что протестное движение не остановится, пока не уйдет президент, «Братья-мусульмане» резко ужесточили свою риторику и требования.

Исламисты не были ни инициаторами протестного движения, ни их движущей силой. Вместе с тем, в отличие от тех оппозиционных групп, которые возникли недавно или на волне событий «арабской весны», «Братья-мусульмане» все же представляли собой самое организованное оппозиционное движение, с опытом участия в работе парламента и местных органов власти, их программа и требования были давно известны египетским правящим кругам. В этих условиях «Братья-мусульмане» оказались наиболее подходящими участниками переговоров от оппозиции в условиях непрекращающихся волнений. В результате этих переговоров им был предоставлен ряд преференций от военных, которые взяли власть в свои руки после ухода Мубарака. Исламисты получили право принять участие в разработке новой конституции страны, сформировать на своей основе политическую партию и – теперь уже легально – принять участие в парламентских (2011) и президентских выборах (2012) в стране.

Таким образом, стремительный выход «Братьев-мусульман» на арену открытой политики в АРЕ стал возможен не столько благодаря поддержке египетской улицы, сколько тому, что когда после ухода Мубарака и роспуска НДП в стране образовался партийно-политический вакуум, «Братья-мусульмане» оказались фактически единственной оппозиционной силой, готовой его восполнить. Что касается других оппозиционных движений, то они в значительной степени проигрывали им как в организационном отношении, так и в идеологическом, не говоря уже о более радикальных исламских движениях, призывы которых к скорейшей исламизации государства и власти не могли не вызывать серьезных опасений как у военных, так и у значительной части тех, кто принимал участие в протестах на улицах Каира и других египетских городов в начале 2011 г.

¹ Shenker J. Egypt's rulers tighten grip amid claims of election fraud and intimidation // The Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/nov/30/egypt-poll-electoral-fraud-claims> (Дата обращения: 30.11.2010).